

мне валюты. Все эти мотивы — налицо: но я не хочу скрывать, что основной причиной моей просьбы о разрешении мне вместе с женой выехать за границу является безвыходное положение мое как писателя здесь, смертный приговор, вынесенный мне как писателю здесь.

Исключительное внимание, которое встречали с Вашей стороны другие, обратившиеся к Вам писатели, позволяет мне надеяться, что и моя просьба будет уважена.

Е. ЗАМЯТИН

И. В. СТАЛИН — М. ГОРЬКОМУ

<10 января 1931 года. Москва>

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю документы о 1) группе Кондратьева и 2) меньшевиках. Просьба — не принимать близко к сердцу содержимое этих документов и не волноваться. Герои документов не стоят того. К тому же есть на свете подлецы почище этих пакостников.

У нас дела идут хорошо. Неважно обстоит дело с транспортом (слишком большой груз навалили), но выправим в ближайшее время.

Берегите здоровье.

Привет!

И. СТАЛИН

М. ГОРЬКИЙ — И. В. СТАЛИНУ

<1 декабря 1931 года. Сорренто>

Беспокоит — и очень — вот какая мысль: эмигранты очень обозлились за последнее время, причина злобы: безработица, сокращение газет и особенно события в Маньчжурии, в Харбине. Особенно неистовствуют — словесно — монархисты и террористические их организации. За Вами вообще усиленно охотятся, надо думать, что теперь усилия возрастут. А Вы, дорогой т<оварищ>, — как я слышал, да и видел — ведете себя не очень осторожно, ездите, например, по ночам на Никитскую, 6. Я совершенно уверен, что так вести себя Вы не